УДК 159.9

ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: «НАУКА ЛИЧНОСТИ»

© 2003 В.А. Петровский

Самарский государственный университет,
Психологический институт РАО

В статье обсуждаются основания и перспективы построения нового направления в психологии, исходящего из задачи объединения фундаментальной и практической психологии личности – персонологии. Общая персонология рассматривается как единство персонологической теории (практико-ориентированная теория личности) и персонологической практики (теоретико-ориентированная практика развития личности). Приводится система требований к персонологическим фактам: нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость. Предлагается схема эксперимента в персонологии.

Ключевые слова: общая персонология, практико-ориентированная теория, теоретико-ориентированная практика, персонологический факт, экспериментальная персонология.

Не составляет какого-либо открытия тот факт, что «психология личности» сегодня - это не одна психология, а две: фундаментальная психология (ее называют ещё «академической») и - практическая психология (практика психологического консультирования). Каждая из двух занимает свою нишу в общественном сознании и жизни общества. Рознь – во всем. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат – всё это разное. «Объективность», «Истина», «Детерминизм», «Гипотеза», «Операционализация терминов», «Статистические методы», «Интерпретация результатов», «Научение» и т.п. – таковы понятия фундаментальной науки. «Субъективность», «Свобода – Ответственность – Выбор», «Психотехнический миф», «Метафора», «Уникальность», «Понимание и приятие», «Рост личности изнутри» и т.п. – так «позиционирует» себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. В России различия затрагивают даже уровень материального благосостояния тех и других (быть успешным практикующим психологом – это значит, худо-бедно, иметь средства к жизни, что отчасти объясняет волну перепрофилирования академических психологов, которые буквально хлынули в практику).

К факту сосуществования двух психологий можно относиться по-разному. Его можно игнорировать (психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают присутствия друг друга). Его можно принять как должное и, более того, - как веление времени. Но можно усмотреть в этом факте также и симптомы некоего серьезного кризиса, – быть может, одного из самых серьезных за всю историю существования психологии. Симптомы кризиса - вдогон тому, о котором писал Л.С. Выготский в «Историческим смысле психологического кризиса». И в самом деле, разве не очевидна для нас преемственность сегодняшнего кризиса «двух психологий» с дуализмом «объяснительной» и «описательной» психологии начала XX века? Очередной раз целостность психологии как науки оказывается под ударом.

Из двух возможных вариантов исхода этого кризиса: раскола психологии или синтеза ее направлений - рассмотрим вторую возможность. И заключается она, на наш взгляд, в том, чтобы содействовать рождению особого направления в психологии, назовем его - «общей персонологией» (в развитие проекта «общей психологии» Л.С.Выготского, и, раскрывая в ней новые грани).

Термин «персонология» уже существует в науке. Генри Мюррей называл свою психологическую теорию «персонологией». «Психологический словарь» Артура С. Ребера предлагает также еще одно значение термина: «изучение личности». Говоря об общей персонологии, мы имеем в виду нечто большее, чем психологическое исследование личности, резюмируемое в той или иной научной теории; общая персонология есть метатеория по отношению к теоретико-экспериментальным исследованиям, центрированным на личности, а также фактам и на-

блюдениям из области многоплановой психологической практики развития и поддержки личности. «Общая персонология», в отличие от «персонологии» Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, *тестирует* себя, свою ценность, в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека; тестирует принципы фундаментальной психологии и, таким образом, «заставляет психологию перестраивать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой» (подчеркиваем этой цитатой из Л.С. Выготского преемственность «общей психологии» и «общей персонологии»).

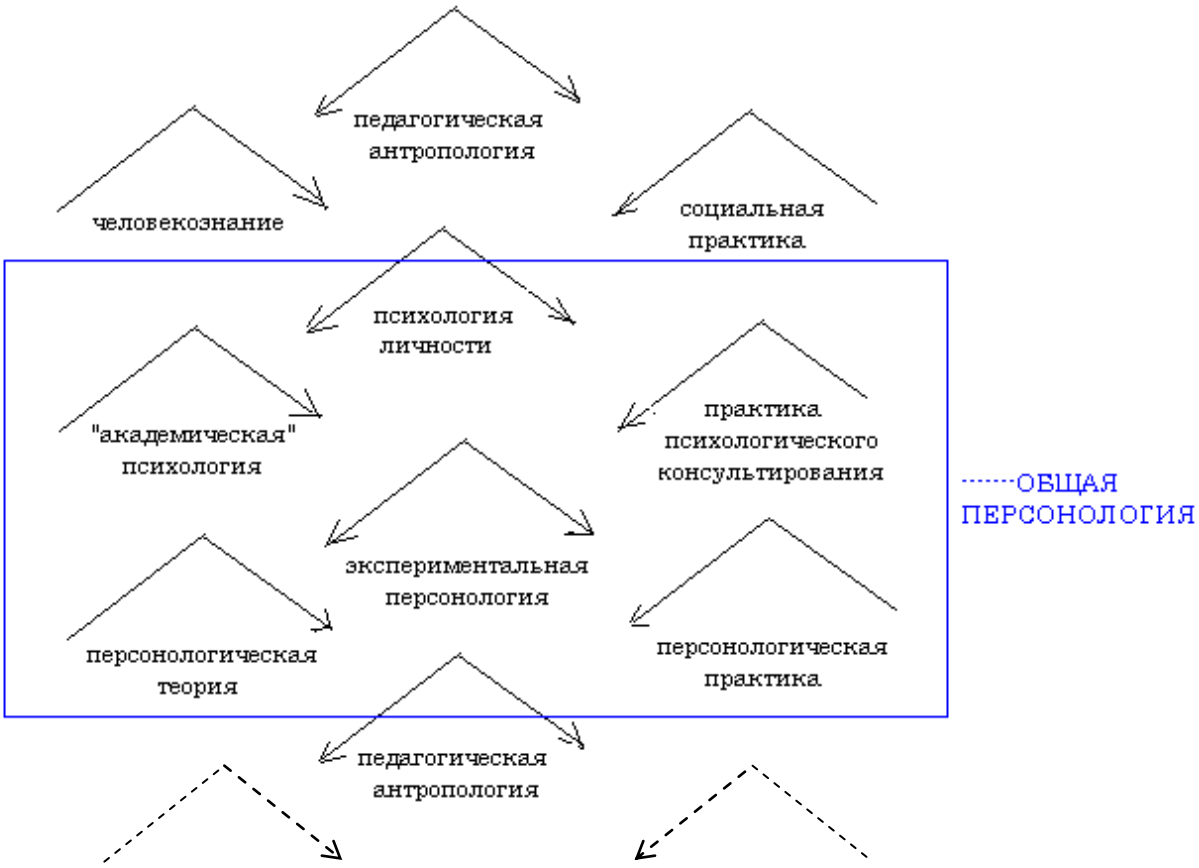
Итак, «общая персонология», если иметь в виду замысел ее построения, - это: психологическая теория личности, выступающая со стороны эффектов своего воздействия на личность; практическая психология как прикладная психология личности. Теория и практика – лицом к лицу.

Контекст формирования новой персонологии - это:

- Человекознание
- Социальная практика
- Педагогическая антропология (осуществляющая связь первого и второго - см. рис.).

Разумеется, *человекознание* – это нечто большее, чем психология: это - философия, религия, наука, литература, искусство, свидетельства сознания субъектов истории (идеологов, политиков, духовных наставников). *Социальная практика* – это всё то, что относится к сфере «человеко-созидания» (в отечественной науке ранее это было принято обозначать как «духовное производство», «производство человека человеком»). Таково образование в самом широком смысле – как личностно-образовательное движение. *Педагогическая антропология* – это нечто базовое по отношению к «обучению», «воспитанию», «педагогической поддержке»... Это – определенным образом организованное и предъявленное совокупное знание человека о человеке; оно как бы высвечивается на экране общественного сознания и может быть свободно присвоено (или отторгнуто) человеком в процессе его жизнедеятельности.

ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И ПРАКТИКИ



Общая персонология намеренно ограничивает источники своего воздействия на людей фактами и построениями, существующими в психологии как науке, отделяя их от психотехнических мифов, интуитивных догадок, убеждений обыденного сознания, личного опыта, паранаучных воззрений, научных, однако, «непсихологических», не ассимилированных психологией как наукой данных (что отличает ее, как часть более общей системы - педагогической антропологии - от «работающего инструментария» современной практической психологии и психотерапии).

Таким образом, факты персонологии – это, прежде всего результаты психологического исследования личности. Но не только. Это – феномены, затрагивающие саму личность, «цепляющие» ее за живое.

Поясним сказанное примером (впрочем, совершенно гипотетическим): «…Проверялась гипотеза о наличии связи между непроизвольными движениями глаз при восприятии движущихся в поле зрения объектов (виды, открывающиеся в окне движущегося поезда) и актуальным содержанием сознания испытуемых (воспоминания, мысли, намерения, ощущения, чувства, - всё то, что может быть названо «потоком сознания»). Испытуемые – пассажиры пригородных электричек, согласившиеся ответить на вопросы интервьюера. Время проведения – день. Люди в вагонах могут свободно рассаживаться, выбирая место у окна. Подтвердилось, что пассажиры, сидящие по ходу движения поезда у окна по правую руку, чаще фантазируют о будущем, в то время как пассажиры, сидящие спиной к движению поезда у окна по правую руку (это место у другого окна, наискосок от первого в нашем примере) чаще предаются воспоминаниям. В двух оставшихся случаях также выявились определенные различия. В одном случае (место спиной к движению, окно по левую руку) человек как бы расстается со своим прошлым, освобождается от воспоминаний, испытывая облегчение (прошлое отдаляется). Во втором случае (место по ходу движения, окно по левую руку) человек погружается в размышления, вступает во внутренний диалог с собой». («Прошлое» и «Будущее» в электричках // Персонология N1, 2001)

Предположим, что всё так и есть… Но может ли рассматриваться это исследование как пример собственно *персонологического* исследования? Если «да», то только – отчасти. Мы еще не знаем, насколько интересны и полезны результаты этого исследования для людей. Но, положим, мы продолжили исследование. Теперь каждый входящий в вагон электрички человек получает «памятку для пассажира», где изложены результаты этого психологического исследования. Скрыто понаблюдаем за поведением людей (многие ли из них начнут пересаживаться – как бы проверяя достоверность выводов, о которых только что прочитали? Многие ли оторвутся от книги, чтобы «просто» смотреть в окно ?). Пассажиры, совершающие ежедневные поездки могут обнаружить новые предпочтения при выборе места – так ли это? Если нам при этом удастся показать, что информация, содержащаяся в «Памятке», способна повлиять на поведение людей, оживить их интерес к себе, помочь сделать для себя что-то, то в этом случае мы признаем проведенное исследование *персонологическим*, добытые факты – *фактами персонологии.* В противном случае – перед нами один из сотен и тысяч фактов, вполне вероятно, представляющих интерес для психологов, да вот только для них.

Эмпирического исследования, на которое ссылается автор этой статьи, проведено не было. Журнала «Персонология» не существует. Мы привели этот пример для того, чтобы прояснить для читателя суть ситуации, в которой персонолог находится, принимая решение о проведении персонологического исследования. Вот вопросы, на которые заранее он хотел бы знать ответ: «Захочет ли кто-нибудь – кроме его коллег - узнать о фактах подобного рода? (а Вы, читатель)? Может ли кто-нибудь предсказать, что получилось бы у исследователя в ходе такого эксперимента? Как повлияли бы факты, если бы они были

именно таковы, на поведение людей? (А на Ваше?) Эти вопросы персонолог предварительно обсуждает с самим собой и судьей тут выступает его интуиция. Но требование в последующем состоит в проверке принятых допущений.

Итак, проблема состоит в том, что, возможно, не любое знание фактов значимо в плане существования и изменения человека, и что заранее, до проведения специальных исследований, невозможно предсказать, чем обернется для личности сам факт подобного знания. Для того, чтобы персонология в целом, как система «работающего знания», состоялась, «засуществовала», необходимо предъявлять совершенно особые требования к собираемым фактам: они должны быть нетривиальны, информативны, экзистенциально-значимы («вдохновляющи, «предостерегающи» и т.п.). Всего лучше, если всё это сочетается в них (нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость), но об этом, пожалуй, можно только мечтать, - как о чуде. По аналогии с воскрешением Лазаря (это есть нечто такое, что возвышается над здравым смыслом, разрешает сомнения, глубоко затрагивают лично каждого). Но если факты и построения персонологии и не столь чудесны, как воскрешение Лазаря, то они, как минимум, должны отвечать хотя бы одному из перечисленных выше условий.

Все эти «параметры» фактов и их подачи – могут быть определены **эмпирически**[1].

Нетривиальность *(атривиальность).* Под нетривиальностью научного факта понимается мера несоответствия полученного в исследовании результата предположениям и ожиданиям, исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений и т.д. Понятие «нетривиальности» операционализируется следующим образом. Группа экспертов (из числа пользователей этой продукцией), независимо друг от друга, должна выдвинуть свой прогноз, описывающий исход некоторого эксперимента (условия проведения этого эксперимента известны экспертам в подробностях). Далее должна быть сопоставлена средняя оценка исследуемого параметра, согласно прогнозам экспертов, и - средняя его оценка согласно данным проведенного эксперимента. Статистически значимое расхождение между средними $M_{эксп.}$ и $M_{эмп.}$ свидетельствует об атривиальности факта (можно было бы сказать – «феноменальности феномена»), а сближение средних - в пользу его тривиальности.

Информативность. Информативность научного факта может быть осмыслена как мера неопределенности, устраняемая в ходе эмпирической проверки гипотезы. Вполне возможно, что результаты прогнозов, касающихся исхода эксперимента, могут соответствовать последним по критерию совпадения выборочных средних значений ($M_{эксп.} = M_{эмп.}$); в то же время разброс экспертных оценок существенно превосходит разброс реальных эмпирических данных. Эмпирической мерой информативности научного факта в таком случае может служить статистически значимое различие между выборочными дисперсиями ($D_{экп.}- D_{эмп.}$) или, соответственно, между выборочными стандартными отклонениями прогнозируемого и реального положения дел ($\delta_{эксп.}- \delta_{эмп.}$). Если окажется что разброс экспертных оценок *меньше* разброса эмпирических (при равенстве средних), то статистически достоверная разница выборочных дисперсий (стандартных отклонений) свидетельствует о *неоднозначности* научного факта.

Экзистенциальная значимость. Этот параметр оценки научного факта характеризует уровень заинтересованности научного сообщества в получении достоверной информации об исследуемом объекте. Понятие «значимость научного факта» операционализируется следующим образом. Эксперты, ранее уже высказавшие свое мнение относительно возможных исходов каких-либо испытаний, касающихся различных сфер действительности, имеют теперь возможность ознакомиться с реальным положением дел, то есть подлинными результатами соответствующих исследова-

[1] Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «ну и что?») // Модели мира. М., 1966

ний. Необходимо при этом, чтобы число экспериментов, результаты которых прогнозировались экспертами (обозначим это число разнородных экспериментов как N) существенно превышало число экспериментов, с результатами которых разрешено ознакомиться экспертам (примем это число за n): N » n. В случае, если в число первых n выборов попадает оцениваемое явление (вывод, зависимость, закономерность и т.п.), это свидетельствует о значимости научного факта в глазах сообщества. Остановимся на примере исследования *нетривиальности* факта (напомним, что это «расстояние» между точкой зрения здравого смысла и результатами эмпирического исследования).

Совместно с О.В. Митиной, мы протестировали «на нетривильность» знаменитый эффект Зейгарник (более высокие показатели запоминания прерванного задания по сравнению с завершенным) и феномен ролевой жестокости Милгрема. Напомним, что С. Милгрем создал ситуацию, в которой «ассистенты» под давлением экспериментатора должны были наказывать своих «учеников» за ошибки в работе электрическим током непереносимой болезненности; испытуемыми были актеры, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Экспериментально был выявлен фантастически высокий процент испытуемых, назначавших «высшую меру» за промахи своих «учеников»: 65% - 85% (!).

В нашем исследовании приняло участие 812 человек; из них психологов (дипломированных и студентов старшекурсников) было 231 человек. Задача, поставленная перед испытуемыми («независимыми экспертами»), заключалась в предсказании исходов «некоторых психологических экспериментов». «Экспертам» подробно рассказывали об экспериментальных ситуациях Зейгарник и Милгрема. Имена создателей экспериментальных ситуаций, «Зейгарник» и «Милгрем», при этом не упоминались. Нас интересовало, насколько точны будут «эксперты» в своих прогнозах: догадаются ли они (или, хотя бы, вспомнят) о том, какое задание – прерванное или завершенное - сохраняется в памяти испытуемых лучше (в экспериментах Зейгарник), а также, о том, каков был процент людей, проявивших «ролевую жестокость» и насколько они были жестоки (в экспериментах Милгрема)? Нас интересовало также, будут ли отличаться экспертные оценки психологов и не-психологов.

Процитирую выводы:

1. Усредненные ответы-прогнозы исходов экспериментов Зейгарник и Милгрема, полученные в подвыборке психологов и не-психологов значимо отличаются от средних показателей, полученных в обоих экспериментальных исследованиях; тем самым не только подтверждается нетривиальность феноменов Зейгарник и эффекта Милгрема, согласно принятому критерию, но и оправданность предложенного подхода к измерению нетривиальности научного факта.

2.Обе категории респондентов, психологи и не-психологи, по обеим задачам в большинстве своем дали неправильные ответы.

3. Статистических различий в ответах психологов и не-психологов не выявлено.

4. В то время как нетривиальность феномена Зейгарник и эффекта Милгрема – факт, на наш взгляд, вполне тривиальный (этого и следовало ожидать!), феномен отсутствия различий между экспертными прогнозами психологов и не-психологов относительно исходов названных экспериментов – явление, на наш взгляд, нетривиальное. О том, насколько это действительно так, читатель может судить, сопоставляя собственные прогнозы относительно экспертных прогнозов психологов с реальными данными, полученными в нашем эксперименте. Возникает впечатление, что психологи, несмотря на знание работ Зейгарник и Милгрема, в своих ответах забывали об этом и вели себя как «наивные» испытуемые (не-психологи), руководствующиеся обыденными житейскими представлениями»[2].

Нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость факта – все это характеристики субъективной ценности факта.

---

[2] О.В. Митина, В.А. Петровский. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов. «Мир психологии», 2001.

Но может быть установлена и объективная ценность фактов, полученных экспериментально. Это – их действенность, влиятельность. Эффекты, порождаемые психологическим знанием (знанием психологии). Между «фактами» и «эффектами» при этом могут складываться противоречивые отношения.

Вот, например, известная «дилемма узника». Испытуемые, в экспериментах Раппопорта, дают показания о мере своей виновности и виновности другого в ситуации условного тюремного заключения. Выясняется, что обычно они готовы «подставить» другого, выгораживая себя, и в итоге получают гораздо больший срок, чем тот, который получили бы, будь они альтруистичнее. Данные этих исследований, ошеломили публику: оказывается, наше себялюбие и недоверие к другому таково, что мы без зазрения совести готовы действовать себе во вред, - соображения разума не работают… После опубликования результатов эксперимента провели повторные замеры. Вопрос состоит в том, изменилось ли число таких «индивидуалов», действующих вопреки своим интересам, и если изменилось, то в какую сторону? Впрочем, на этот вопрос я, по сути, ответил вначале. Да, изменилось. Их стало *больше*! Недоверие друг к другу выросло, люди стали еще менее разумны, чем были…

Справедливости ради, должен сказать, что знания, полученные в ходе психологических экспериментов, могут быть и позитивно значимыми. В экспериментах Милгрема, тем, кто наказывал, раскрывали существо эксперимента, в частности, тот факт, что всё было подстроено: актеры показывали, что им больно, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Многие из них горячо осуждали себя, утверждая, что никогда больше не поведут себя так; другие, впрочем, ссылались на требования экспериментатора, не испытывая смущения – они были готовы повторить всё сначала во имя науки.

Бывают случаи, когда знание об условиях испытания парадоксальным образом не воздействует на человека вообще – хотя, как представляется, могли бы привести к пересмотру позиции. Примером может служить некоррегируемость установок людей, под влиянием информации, разоблачающей происхождение этих установок. Назовем этот феномен: «Сердце подскажет». В экспериментах Валенса мужчины должны были оценить привлекательность молодых женщин на фотографиях; в то время как они разглядывают фотографии, в наушнике они слышат биение своего сердца; при предъявлении некоторых фотографий оно учащается или замедляется. Выяснилось: мужчины считают более привлекательными те изображения, при предъявлении которых слышно, как ускоряется или замедляется сердцебиение (всё, разумеется, подстроено). Самое поразительное: эффект сохранялся, даже если перед окончательной оценкой испытуемым сообщалось об имитации.

Еще один факт – мы называем его «эффектом Эдипа» (В.А. Петровский, Т.А. Тунгусова, 1984). Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог, он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе – под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их оценок компетентный психолог. Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интраверсии. (словом, «счастье – когда тебя понимают», но несчастье – когда тебя раскусили…). Перед нами аналог известного в философии «парадокса Эдипа», заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события. В данном случае человек не хочет подчиняться прогнозу, он отстаивает свою самость: он сам себе мера, он никому не по-

зволит думать иначе… Таким образом, проявляя защитные тенденции, испытуемые обнаруживают тенденцию опровергать чужие прогнозы, затрагивающие их лично, даже если они соответствуют истине.

Я привожу все эти примеры для того, чтобы подчеркнуть неоднозначность связи между фактами психологии личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей (дилемма Узника), частичная «реабилитация» себя (феномен Милгрема), упорствование в своих предпочтениях (эксперименты Валенса); факты могут стимулировать защитные тенденции («парадокс Эдипа»). Но, по-видимому, и это еще не всё. От большинства фактов, пылящихся, по выражению Фресса и Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко, ни холодно».

Вот почему мы подчеркиваем: факты и построения персонологии развития должны быть не просто значимы *статистически.* Они должны быть *личностно*-значимы: должны обладать субъективной и объективной ценностью для него.

Особая проблема, которую мы здесь только упоминаем, - это форма предъявления психологических сведений аудитории «пользователей психологическим знанием» (термин А.С. Огнева). Достояния фундаментальной науки должны быть особым образом предъявлены, иначе они окажутся деструктивными, или, по меньшей мере, совершенно незначимыми для людей. Одно следует подчеркнуть сразу: сведения, «предъявляемые» персонологом, не имеют самодовлеющего характера; они вплетены в общение, опосредствует взаимоотношение в системе «персонолог – пользователь психологическим знанием». Факты, при всей «упрямости» этой вещи, не есть инструмент внушения. В психологии личности нет выводов неоспоримых. Даже тогда, когда они основаны, бесспорно, на фактах. Каждый такой вывод, каждое положение психологии личности, заключают в себе элемент неопределенности, как бы окружены ею. Неопределенность, сопутствующая рождению фактов (пробелы при обосновании сбора эмпирических данных – где и как их искать, каковы способы операционализации теоретических переменных, что представляют собой пути построения эмпирических гипотез и т.д. и т.п.) и неопределенность в процессе освещения фактов (эллипсы в описании, неполнота в интерпретации), то есть всё то, что образует неустранимый фон научного знания, персонология превращает в фигуру. И, таким образом, осуществляется «поворот» опытных данных к личности, превращение их в инструмент самостроительства[3].

Иными словами, любой факт психологии личности открывает самой личности «фронт работ» – осмысления. «Пускай Вы не можете, как ученый безукоризненно обосновать ответ – нутром Вы же чуете?» – вопрошает один из собеседников в книге Скиннера «Семья и как в ней уцелеть» (с. 229). И другой собеседник отвечает: «Моя единственная «догадка» близка к уже «запатентованной»…». Персонология имеет дело не только с «запатентованными» данными, - она имеет дело с примыкающими к ним «догадками». Но это не мифы. Это - *идеи* (то есть, в данном случае, допущения, истинность которых предполагает логику самообоснования: «если мы *допустим* это,

[3] В настоящее время нами готовится к опубликованию статья, в соавторстве с Ю.Д. Бабаевой и О.В. Митиной (факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова), где описывается один из фактов, прошедших «персонологическое тестирование» и доказавший свою нетривиальность: уровень развития интеллекта младшего ребенка в семье отличается от соответствующего показателя старшего (оставляем читателя в состоянии задумчивости, кто из них обнаруживает более высокий интеллект – быть может, так мы могли бы лучше проиллюстрировать идею «экзистенциальной значимости» научного факта). Теперь легко вообразить следующий «тур» экспериментов - с варьирующим стилем предъявления этого факта старшим и младшим детям в семье - и последующим замером уровня их интеллектуального развития. Вполне вероятно допустить, что директивный характер предъявления этого факта может усугубить различия (так ли это?). (Здесь перед нами повод к новому витку персонологического исследования). При ином способе предъявления этого факта, не говоря уже о перестройке внутрисемейного взаимодействия с учетом этого факта, допустимо предположить, что эти различия будут сглаживаться (так ли это?). Любой факт персонологии – при разумной его подаче - оставляет место для самоопределения личности, переопределения ситуации и т.п.

то…»). Персонология – субъектна. Она - на острие движения *научной* мысли и мысли «пользователей».

Общая персонология, в той ее форме, которая рисуется нам сегодня, – не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно оформляет себя персонологическая теория (я называю этот процесс построения: «Персонология-1») и, соответственно, складывается - персонологическая практика (процесс построения персонологической практики я называю «Персонология-2»).

…Перед нами как бы лодка на две персоны, лодка-двойка – на два весла. *Персонолог-теоретик*, будем считать, у весла слева. Налегая на весло теории, он следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он рассуждает так: «Теория, конечно, теорией, но она должна быть практико-ориентированной»; он строит практико-ориентированную теорию. А персонолог-практик, будем считать, что он у весла справа, налегая на весло практики, также следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он строит теоретико-ориентированную практику, отбирая для себя то, что всерьёз применимо... Персонология-1 и Персонология-2 должны быть синхронизированы, синергичны (а иначе лодка будет вращаться волчком). Кто в этой лодке обеспечивает сочетание интересов, синергию усилий? Возможный ответ: некий виртуальный субъект, равным образом представленный, «живущий» в голове обоих гребцов. Он олицетворяет собой фигуру *персонолога-экспериментатора*, позволяющего каждому оказаться «по ту сторону» своей собственной роли, - в терминах Ж. Пиаже, децентрироваться, «превращаясь» в партнера. Итак:

Схема построения Персонологии-1:

Фундаментальная психология → Экспериментальная персонология → →Персонологическая теория

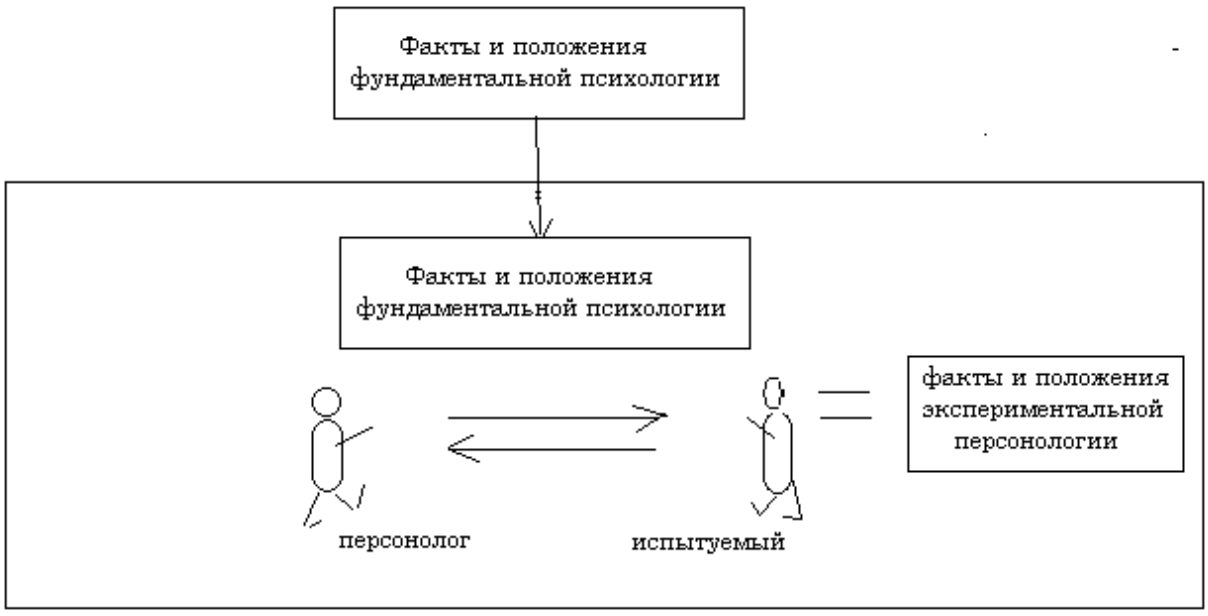
Схема построения Персонологии-2:

Практика психологического консультирования → Экспериментальная персонология → Персонологическая практика

(на рисунке 1 эта логика переходов символизирована диагональными стрелками)

На следующем рисунке изображена:

Схема построения экспериментальной персонологии



Персонология-1 и Персонология-2, в целом образуют то, что, мы называем «Общей персонологией» - условием синтеза фундаментальной и практической психологии. Общая персонология позволяет фундаментальной психологии рефлектировать эффекты своего воздействия на личность, видеть себя в зеркале самой личности (вопрошая при этом: значимы ли добытые в исследовании факты и положения? представляют ли они интерес? какой в них прок? и т.д.). Прикладная психология личности (персонологическое консультирование), не подменяя собой практику психологического консультирорвания и психотерапии, предоставляет людям возможность взглянуть в лицо реальности, увидеть себя на фоне других, опереться на факты, с которыми трудно не посчитаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Общая персонология – новое направление в психологии, исходящее из задачи объединения фундаментальной и практической психологии личности; психологическая теория личности, предъявляющая свои конструкты и факты людям и рефлектирующая, таким образом, свое влияние на поведение и сознание людей; практика психологического консультирования, ориентированная на психологическую теорию личности; теория и практика лицом к лицу.

2. Возникновение общей персонологии - реакция исследователей на произошедший в мире раскол психологии на «академическую» и «практическую», интенция синтеза «двух психологий». Общая персонология, таким образом, не только теория, имеющая своим предметом личность, но также и практика «ращения» личности - свод знаний, идей, техник, содействующих становлению личности, ее росту, развитию. Последнее подразумевает, что общая персонология, если иметь в виду перспективы ее собственного становления, является инструментом саморазвития личности, *«психологическим орудием», принадлежащим личности*. С этой точки зрения, общая персонология не есть только наука *о* личности, но есть также наука *для* личности - «наука личности».

3. Общая персонология – не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно складываются и обусловливают друг друга персонологическая теория и, соответственно, персонологическая практика. Персонологическая теория – это *практико-ориентированная теория* личности. Персонологическая практика – это *теоретико-ориентированная* практика развития личности. Процессы их взаимопостроения должны быть синхронизированы, синергичны.

4. Согласование двух ветвей общей персонологии осуществляет *экспериментальная персонология*. По отношению к фундаментальной психологии личности она должна играть ту же роль, что и метаанализ Гравве по отношению к психотерапевтическим системам и технологиям (неожиданная, а в чем-то и обескураживающая по своим выводам экспериментально-психологическая экспертиза эффективности их воздействия на пациентов).

5. Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *нетривиальность* (возвышаются над точкой зрения «здравого смысла»), *информативность* (снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях), *экзистенциальная значимость* (вызывают живой интерес, ориентируют поведение).

6. Все эти «параметры» *субъективной* ценности фактов персонологии могут быть определены эмпирически.

7. Персонологическое знание должно обладать также *объективной* ценностью, предоставляя личности действенные инструменты и ориентиры развития; эмпирическое определение не только субъективной, но и объективной ценности фактов – необходимое условие построения персонологии.

8. Парадокс состоит в том, что между фактами фундаментальной психологии личности и эффектами их влияния, как показывают уже проведенные психологами эксперименты, могут складываться *противоречивые отношения*. Факты могут стимулировать, наряду с позитивными, также и негативные тенденции; факты могут по-

буждать людей упорствовать в своих установках; факты могут стимулировать защитные тенденции; и, наконец, факты могут оставлять людей вполне равнодушными.

9. Помимо требований, предъявляемых к научным идеям и фактам, общая персонология призвана исследовать *способы предъявления* данных психологической теории людям – развивающие техники общения персонолога с аудиторией.

PERSONOLOGY AS «THE SCIENCE OF PERSONALITY»

© 2003 V.A.Petrovsky

Samara State University, Psychological Institute of Russian Academy of Education

The foundations and the prospects of a new approach in psychology are discussed. This approach aims at uniting the fundamental and practical psychology of personality, and is called «personology»(instead of «psychology of personality» in Russian terms). Common personology is viewed as a unity of personological practice (theory-oriented practice of the development of the personality). The system of requirements to the personological facts is shown: they have to be non-trivial, informative and have the existential significance. Experimental paradigm for personology is proposed.

Key words: common personology, practical-oriented theory, theoretical-oriented practice, personological fact, experimental personology.